

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Богомяков Владимир Геннадьевич
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ СЛОВА
О БЫТИИ

В работе анализируется понятийный аппарат онтологии, формирующийся во многом как речь неабсолютного человека об Абсолютном. Укорененность человека в сакральном, синергийное и диалогическое взаимодействие человека с Абсолютным проявляются через нисходящий ряд слов с понижающимся онтологическим статусом: трансценденции — универсалии — категории — понятия — термины. Работа обращает внимание читателя на методологическую и эвристическую ценность трансценденции — универсалии «сокровенное».

В безбрежном море мировой философии существуют направления, полагающие метафизику невозможной. К направлениям такого рода М. Шелер относил позитивизм, выводящий формы бытия и сознания из чувственных данностей ощущений; неокантианство, полагающее метафизические вопросы правомерными, но теоретически неразрешимыми; и, наконец, то, что сам философ называл «историзмом», объединяя в этом термине учения К. Маркса, В. Дильтея, О. Шпенглера. («Историзм» в интерпретации М. Шелера есть направление, отмечающее во всех типах мировоззрений лишь изменчивые формы выражения меняющихся состояний общественной жизни). Прочие школы и направления философии считали возможным и необходимым говорить о том, что *meta ta physica* (то есть «идет после физики»).

Самонедостаточность, условность, неабсолютность человека приводит его к пониманию того, что там, «за физикой», существует сфера Абсолютного. Это Абсолютное не дано нам в непосредственной явленности и видимости. Над Абсолютным человек не властен, оно не является объектом простого манипулирования. Абсолютно сущее, существующее посредством самого себя, в лучшем случае, может вести с человеком диалог. Такова библейская традиция онтодиалога Бога и человека. Таково патристическое понимание синергийного взаимодействия Бога и человека. В худшем случае — Абсолютному нет дела до человека: так, первосубстанция (греч. $\sigma\upsilon\nu\lambda\omicron\varsigma$) у Аристотеля думает лишь о самой себе: она индифферентна по отношению к человеку. То, что она в качестве целевой причины притягивает людей, зовет их к совершенству, — не есть ее дар челове-

ку, скорее это следствие ее постоянного, неизменного и замкнутого в себе самой невозмутимого совершенства. К тому же абсолютность аристотелевой первосубстанции находится под большим вопросом, так как под Вечным Двигателем существует еще 55 вечных двигателей, от него ни в чем не зависящих. По мнению Эпикура, боги также смотрят лишь на себя, погруженные в блаженство, безмятежность и наслаждение собственным совершенством. Поэтому одна из формулировок эпикуровского «четвероякого лекарства» учит не бояться богов.

Говорение неабсолютного человека об Абсолютном всегда есть дело исключительной сложности — все найденные слова в этом случае ценятся на вес золота. Но и этими немногими словами человеку не приходится гордиться, так как ему позволено сказать об Абсолютном только то, что позволит ему само Абсолютное. Существуют расстояния между словами и вещами, но между словами и Абсолютным — неподвластная уму бездна, на одном краю которой — безграничная милость Абсолютного к человеку, одна только лишь способная преодолеть это непреодолимое расстояние; на другом же краю — наше безграничное ничтожество. Апофатика — вот единственно верный умственный настрой в нашем взаимодействии с Абсолютным. Наиболее апофатичное в апофатике становится катафатикой, свидетельствующей о том, что Абсолютное столь всесильно, что может дать возможность человеку, находящемуся на полюсе онтологического ничточества и неабсолютности, говорить об Абсолютном. Легко говорить о повседневном: для этого нам хватает терминов, которые являют собой слова-этикетки, наклеиваемые нами на окружающие вещи. Термины однозначны, неантиномичны, неапофатичны и недиалогичны. Когда человек пытается постичь взаимоотношения между различными объектами, то он прибегает к понятиям. По сравнению с терминами понятия уже отражают диалектику, они становятся неоднозначными. Еще более сложную природу имеют категории, лежащие на стыке рационального и трансрационального, структурирующие человеческий мир. Выше категорий — универсалии, показывающие отношения между сущностями в целостном бытии, где человек реально существует. Это «очеловеченная трансцендентность», но, тем не менее, в ней много непроявленного для рационального познания. И наконец, наиболее высокий понятийный статус имеют трансценденталии, являющиеся выражением крайней экзистенциальной неопределенности, их именами человечество называет то, что дано через Откровение, что менее всего рационализируемо, то, что апофатично, антиномично и диалогично. Так спускается сверху вниз гносеологическая «лестница Иакова» в процессе произнесения слов о бытии.

Когда философ говорит о бытии, он поневоле становится филологом. Он ищет слова живые, незатасканные, нестершиеся. По сути дела, вся история философии есть не что иное, как мучительный поиск нужного слова. До открытия Парменидом слова «бытие» (греч. εἶναι), означавшего бесконечное и неделимое Единое, у греков важнейшим понятием считалось «архэ» (греч. ἀρχή) — начало. Парменид четко противопоставил сущее существующему, ноуменальному — феноменальному. Платон, по сути дела, ставит знак равенства между словами «истина» (греч. ἀλήθεια), «бытие» (греч. εἶναι) и «идея» (греч. ἰδέα). Уже ко времени Аристотеля слово «бытие» воспринимается архаичным, и Аристотель не говорит более ни об идеях, ни о бытии, но говорит об истине, имея в виду все ту же онтологическую проблематику. Слово «бытие», живое у Парменида, становится для Ф. Ницше и экзистенциалистов бессмыслицей, за которой нет никакого реально-жизненного содержания. М. Хайдеггер реанимирует понятие «бытие» (нем. Sein), но — так как он далеко не Иисус Христос — по всей видимости, воскрешение из мертвых невозможно. Больной скорее мертв, чем жив, и если он встает и ходит перед нами, то очевидно — это зомби. Хайдеггер

сетует на забвение бытия, насмехается над Гегелем за его мнение о самопонятности данной категории как «неопределенного непосредственного»; он пишет колоссальный фундаментальный труд «Бытие и время», где приходит к выводу, что смыслом бытия является временность. Читатель оказывается в некотором недоумении, ибо временная жизнь для временного времени — это жизнь среди затертых слов, суета сует, а вовсе не бытие, которое Вечно.

В Новое время модной философской категорией становится «субстанция» (лат. Substantia) — скрытая основа. Характерно, что эта скрытая основа находится как бы у нас под ногами, то есть рациональный человек Нового Времени ищет ее не в небесной выси, а в том, на чем он прочно стоит. Последующая философия свидетельствует об умирании слова «субстанция» — в последний раз оно манифестируется в панлогизме Гегеля. А. Шопенгауэр, а затем Ф. Ницше и В. Дильтей для оживления онтологической проблематики находят новое слово — «жизнь». Таким образом, одна и та же интенция исторически выражается разными словами, более или менее удачными, стирающимися, обновляемыми, забываемыми. Речь идет о высшей бытийности, представляющей собой некую животворную незримую, к которой человек должен пробиваться, прорываться или восходить, внутренне преображаясь.

Библия говорит нам о Боге — Высшем Абсолютном Бытии. Согласно святому Григорию Паламе, Божественное для человека выступает в двух равноценных модусах — в Божественной Сущности и вне Ее. Божественная природа приобщается не в самой себе, а в Ее энергиях. Соответственно Энергиям образуются Божественные имена. Святой Иоанн Дамаскин называет энергии движениями, порывами, сам Григорий Палама называет их благодатью и нетварным светом. Энергии Божественные и Имена, их раскрывающие, бесчисленны (мир не может вместить всей полноты Божественного проявления), но Природа, стоящая за ними, пребывает неизменюемой, как мрак, сокрытый преизобилием света. Нельзя произносить имени Господа Бога всуе. Неудачным представляется термин «Абсолют», введенный в философский оборот в конце XVIII века М. Мендельсоном и Ф. Якоби как синоним пантеистически трактуемой Б. Спинозой природы — «безличного Бога». Николай Кузанский вводит понятие «неинное», обозначающее «субстанцию сверхсубстанциальную, субстанцию без субстанции, субстанцию несубстанциальную и субстанцию до субстанции». Слабостью данного понятия является его явный пантеистический смысловой оттенок, а также его холодный логицизм. Понятие «неинное» недиалогично, оно фиксирует некое отрешенное от человека начало.

Живым метафизическим словом представляется нам «сокровенное». Слово это очень русское, оно употребляется в святоотеческой и духовной литературе. Оно имеет и онтологический, и гносеологический, и аксиологический (сокровище!) смыслы. И, наконец, сокровенное — это слово синергийное и диалогическое, ибо Бог говорит с человеком посредством проведения границ и установления покровов и завес, а также и снятия покровов. Этимология слова «сокровенное» вполне ясна: оно образовано от славянского «кров», имеющего два основных смысловых оттенка. Во-первых, укрывание, закрывание, то есть защита. Во-вторых, полагание предела, границы. Эти смысловые оттенки мы видим, например, в словах «кровь», «сокровище», «кровля», «покров» и др. Явленное полагает себя через неявленное, ему положена граница, поэтому человек всегда пограничник. Жизнь человека сокровенно-откровенна: сокровенное в ней есть начало просвещающе-сокрывающее и освещающе-укрывающее. По нашему мнению, гносеологический статус слова «сокровенное» может быть определен как трансценденталия-универсалия. Трансценденталиями пользуется религиозное сознание, универсалиями — сознание философское, поэтому очевидна методологическая и эвристическая значимость слова «сокровенное», ибо оно

лежит на стыке двух этих сфер человеческого сознания. Такой стык чрезвычайно важен для нас, давно уже разделивших «царство веры» и «царство разума».

Слово «сокровенное» энтузиастично, полисемантически и многослойно, причем, речь идет не о качественно однородных слоях, а о многослойности литургийной, когда, входя в богослужение, человек движется к его евхаристической кульминации. Сначала сокровенное дается человеку в апофатическом ключе Непостижимости и Неизреченности. Если человек остается на этом уровне сокровенности, то это означает для него позицию агностицизма и созерцания Абсолютного в его абсолютной неприступности. Выходя на другие уровни сокровенности, человек приходит к пониманию Живого Бога и взаимодействию с Ним, вступает в синергийный процесс теозиса, где местом встречи Бога и человека является человеческая личность.

